

В КНИЖНОМ магазинчике, что напротив Тегеранского университета, мне довелось стать свидетелем примечательного спора. Пожилой, хорошо одетый человек убеждал своего собеседника-студента в том, что после революции искусство и литературу Ирана ожидает самая плачевная участь. «Вот прежде, — с упоением рассказывал он, — наша интеллигенция смотрела на Запад и быстро воспринимала все новинки современной культуры. Изысканные знатоки посещали фестивали авангардистского искусства в Персеполе, цвет образованного общества собирался на вернисажи».

«Да, — говорил студент, — время меценатов и избранных знатоков прошло. Но как раз сейчас, после уничтожения шахской тираннии, искусство и литература должны расцвести, получив новые темы, новых героев».

Конца спора я не слышал. Но и этих фраз было достаточно, чтобы уловить суть острой проблемы, волнующей сейчас иранскую интеллигенцию. Куда пойдет культурная жизнь после революции?

Нельзя полагать, будто в годы шахского режима прогрессивные идеи в искусстве и литературе никак себя не проявляли. Несмотря на чудовищную сеть «осведомителей тайной полиции САВАК», на сложные цензурные препоны, выдающиеся артисты, художники, режиссеры, писатели работали. Мировое признание получали рассказы и повести Садека Хедаята, Бозорга Алави, миниатюры Вехзада, песни Гугуш и Марзие, прекрасные произведения реалистического киноискусства — фильмы «Простофиля», «Корова» и многое другое. Деятели культуры работали в тяжелейших условиях. Все помнят, как одна из иранских газет почти месяц из номера в номер публиковала списки книг, запрещенных шахской цензурой. Погибли за тюремной решеткой поэт и журналист Хосров Гольсорхи, талантливый кинорежиссер Кераматолла Данешпани и другие патриоты. Недаром газета «Аяндеган», рассказывая о недавнем прошлом Ирана, писала: «Когда думают сапоги, мозгам приходится маршировать».

Революция... Она в Иране была поистине уникальной: самое прямое участие в ней приняли миллионы людей, сплоченных ненавистью к деспотии. И оружием масс с первых дней народного движения стали песни.

Иран, Иран, Иран!
Ты слышишь пулеметные очереди?
Иран, Иран, Иран!
Ты видишь, как каждый стал кличем протеста?
Все стали бурей.

Такая песня объединяла людей. Горячий гимн бойцов — «моджахедов», песня студентов о братстве и солидарности, песни о павших героях звучали над колоннами демонстрантов и на митингах. А мальчишки на улицах распевали ехидные куплеты

Соб. Кувейт 1979 г. март

БУРНЫЕ ДНИ ТЕГЕРАНА

о шахских прислужниках, об иранском «Керенском» — Бахтияре, об удравших во все лопатки гвардейцах.

Следом за авторами песен в ряды борцов встали журналисты. После снятия цензуры люди по утрам чуть ли не с боем брали газетные киоски, когда в них появлялась «Аяндеган», делали с ее помощью фотокопии, передавали друг другу. К вечеру все повторялось с газетами «Кейхан» и «Этгелат». Газетные страницы превратились в открытый рынок, на них развернулась горячая полемика о будущем страны. Впервые в иранской печати начали публиковать правдивые сообщения о событиях в Чили, в оккупированных арабских районах, Южной Африке и, разумеется, о совсем недавнем прошлом самого Ирана.

Далеко не последнее место занимали и занимают в газетах споры о роли деятелей искусства и литературы в создании подлинно массовой культуры. «Время показало, — подчеркивает в своей статье писатель Мортеза Резван, — что интеллигенция оказалась в долгу у народа. Она отстала от него и должна многому поучиться у массового движения». Говорит поэт Хамид Мосаддег: «Наш долг — раскрывать людям правду. И лучшая проверка народности поэта — это когда его стихи превращаются в народные лозунги».

В самые тяжелые дни революции, публикуя сообщения о демонстрациях, столкновениях, боях и победах, газеты находили место и для

стихов Шандора Петефи, Геворга Эмина, сочинений молодых иранских поэтов, статей Пабло Неруды, рассказов Насера Ирани и хорошо знакомого советскому читателю Бозорга Алави.

Не замедлили откликнуться на революционный подъем и деятели изобразительного искусства. Вместо вернисажей современной живописи и умопомрачительно нагромождения форм абстрактной скульптуры открылись выставки молодых ху-

дений сняли и показали фильм «Ворота в великую цивилизацию» («Великая цивилизация» — название последнего пропагандистского опуса бывшего шаха). В первой части, которая озаглавлена «Наша доля», — картины ужасающей нищеты, убожества тегеранских трущоб. С экрана заговорила правда, срывающая всякие маски с лицемерных заявлений об иранском обществе «всеобщего благоденствия». Вторая часть — «Их доля» — посвя-

На днях объявлено о создании «Общества народных работников искусств». Его основатели Н. Зераати, К. Афшар-Панах и А. Рустан заявили, что демократизм интеллигенции состоит не в том, чтобы подхватывать без оглядки лозунги типа «свобода слова», а осознать классовую принадлежность тех, кто в данный момент выступает с такими лозунгами.

Но вернемся к Тегеранскому университету, где произошел тот разговор, с которого я начал этот рассказ. Это не обычная городская улица. Это улица-трибуна, своеобразный центр политической активности страны. Стены ее домов сплошь залеплены листовками, газетами, объявлениями, воззваниями. Десятки книжных магазинов, лотков и развалов оживленно торгуют невиданной здесь доселе литературой. Маркс, Ленин, Горький, Маяковский, Шолохов — все книги в дешевых, доступных любому карману изданиях. Труды социалистов-утопистов соседствуют с репортажами из Вьетнама и Чили, «Секретные документы шахской полиции» — с толстыми трудами об иранских франкмасонах, сочинения исламских философов — с Герценом и Чернышевским. Людей здесь не меньше, чем на знаменитом тегеранском базаре. Читают стоя, спорят, наклеивают новые листовки и снова читают. Стоит пройти по этой улице, окутаться в неожиданную раскрывшийся для иранцев праздник правды и свободы, и уже нельзя сомневаться в том, что эта древняя страна никогда не сможет вернуться к прежним временам цензуры на правдивые книги, запрета на передовую мысль.

Революция свершилась, революция продолжается. Обстановка в стране остается сложной. Народу Ирана предстоит решить много неотложных задач в области экономики, политики, культуры. Сложен и труден процесс ликвидации остатков свергнутого режима, борьбы за обеспечение демократических прав и свобод, повышение жизненного уровня трудящихся. И только что зародившаяся новая культура революционного народа, пусть пока бурлящая в спорах, противоречиях, обязательно будет жить с этим народом и для него.

М. КРУТИХИН,

корр. ТАСС — специально для «Советской культуры».
ТЕГЕРАН.

дожников. Они показывают работы, посвященные волнующим всех темам. Картина-разоблачение, картина-призыв, картина-плакат, картина-оружие... Руки многих художников еще пахнут порошком, а у зрителей, которые приходят в залы, за плечами зачастую виден ствол автоматической винтовки. В школах, больницах, государственных учреждениях открываются экспозиции плакатов, рисунков, картин на сюжеты из народной жизни.

Внесли свой вклад в революцию и иранские фотореспонденты, и кинодокументалисты. Совсем недавно в одной из газет появился снимок: высокий вал из человеческих тел на тегеранской площади, вокруг — кольцо солдат в касках. В страшную «кровавую пятницу» 8 сентября прошлого года фотографа, который отважился сделать этот кадр, жестоко избили, но пленку он каким-то чудом спас. Сейчас такие фото, передко демонстрируемые на специальных выставках, стали документами огромной обличительной силы.

В горячие дни революции, в гуще столкновений народа с войсками и полицией во время штурма гвардейских гарнизонов — везде можно было видеть людей с кинокамерами и фотоаппаратами. И теперь иранское телевидение демонстрирует подготовленные из отснятых тогда материалов документальные фильмы.

Документальные ленты — живые свидетели обвинений. Недавно работники телеви-

цена показу только что захваченных вооруженными отрядами шахских дворцов.

Телевидение и радио Ирана, которые называются теперь «Облик исламской республики» и «Голос исламской республики», стали предметом острой полемики в печати. «Облик» и «Голос» республики переживают трудный переходный период. Идет чистка кадров от шахских ставленников, контрреволюционных элементов и попросту бездельников. Решаются кардинальные вопросы идеологической направленности передач.

Нужно отметить, что эффект воздействия радио- и телепередач на иранское население трудно переоценить. Еще совсем недавно здесь ходила поговорка: «Ираном правят четыре силы: шах, армия, САВАК и телевидение». Широкая сеть ретрансляционных станций позволяет тем, под чьим контролем находится телевидение, вести весьма действенную пропаганду в массах.

Театральная интеллигенция Ирана в полный голос заговорила о создании народного театра. Первые спектакли планируется поставить в городском театре Тегерана в самом ближайшем будущем, но самостоятельные группы уже начали показывать «Мамашу Кураж» Брехта. Готовятся радиопостановки на темы революции. Со старым репертуаром покончено. Иранцы смотрят лучшие фильмы мирового кино, в частности, «Броненосец Потемкин», «Мать», «Октябрь», киноэпопею «Освобождение».